

Н. Н. Родигина

«КАКАЯ ШКОЛА НУЖНА СИБИРИ?»

**ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОСВЕЩЕНИИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX В.**

Опубликовано: *Родигина, Н. Н.* «Какая школа нужна Сибири?»: вопросы регионального образования в освещении педагогических журналов конца XIX – начала XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 5. С. 141-150.

Насколько вопросы развития образования в Сибири были актуальными для корпоративного сообщества российских педагогов на рубеже XIX-XX вв.? Какие именно «образовательные» сюжеты, связанные с имперской окраиной, отражались на страницах отраслевой периодики? Каков был круг авторов, информировавших читающую Россию о сибирской школе и учителях? Данный перечень вопросов предопределил замысел нашей статьи. Пилотный просмотр многочисленных педагогических ежемесячников пореформенного периода позволил остановиться на двух педагогических изданиях - журналах «Русская школа» и «Вестник воспитания», судя по количеству и периодичности публикаций, проявлявших стабильный интерес к жизни сибирской провинции. По мнению специалиста по истории педагогики Б. К. Тебиева, эти издания являлись наиболее популярными среди частных педагогических журналов рубежа XIX-XX вв. [22, с. 73].

Наибольшее число упоминаний о Сибири встречаем на страницах общепедагогического журнала для школы и семьи «Русская школа» (РШ), основанного в 1890 г. известным педагогом, директором одной из столичных гимназий Я. Г. Гуревичем. Программа издания, определявшая его структуру, включала следующие разделы: 1) «Правительственные распоряжения по учебному ведомству»; 2) «Статьи о развитии образования в России и Европе»; 3) «Критика и библиография»; 4) «Обозрение педагогических журналов»; 5) «Педагогическая хроника»; 6) «Смесь». Статьи и сообщения, посвященные Сибири, публиковались, главным образом, в информационных и критико-библиографическом отделах. Содержание «сибирских материалов» журнала можно сгруппировать по следующим темам: 1) развитие образовательных учреждений в Сибири; 2) уровень и структура грамотности здешнего населения; 3) общественно-педагогическое движение в сибирских губерниях; 4) количественный состав и уровень профессиональной подготовки педагогических кадров в регионе; 5) воспитательный и дидактический потенциал учебной, справочной и художественной литературы о крае.

В первые годы существования журнала на его страницах преобладала информация о

состоянии школьного дела и уровне грамотности населения в «далекой и малокультурной» Сибири. Образ края как территории, особенно нуждающейся в развитии школ, формировался, в первую очередь, посредством публикации статистических данных. Увлечение авторов педагогических изданий статистикой объясняется верой в ее убеждающую и социально-мобилизующую силу, характерной для интеллигенции пореформенной эпохи. Так, попечитель Казанского учебного округа П. Д. Шестаков, основываясь на материалах статистического обследования Иркутского, Балаганского и Нижнеудинского округов Иркутской губернии (доля грамотного сельского населения в которых составляла 5,6%), делал вывод о том, что сибирская грамотность, ничтожная по числу своих представителей и слабая по своему качеству, не представляет еще общественной силы [27, с. 217]. Считая широкое просвещение населения основным движущим фактором социального прогресса, а «невежество народных масс» - «злом общегосударственным», лидеры общественно-педагогического движения выступали за увеличение числа школ, библиотек, курсов грамотности. Именно численность «целесообразно организованных школ», по мнению большинства авторов журнала, представляла собой основной фактор, влияющий на распространение грамотности [27, с. 221]. В качестве главного критерия сравнения, характеризующего состояние системы образования в Сибири, и социокультурного образца, на который нужно было равняться, предлагалась Европейская Россия. Типичным для педагогической периодики и отражающим реалии образовательного пространства империи является следующее сравнение: «В настоящее время на 6271353 души обоего пола, составляющих население Сибири, имеется 73306 учащихся... В общем для городов и селений ... 1 школа приходится на 2486 человек и 1 учащийся ... на 86 душ, или на 9,5 детей учебного возраста. В Европейской России 1 низшее учебное заведение приходится на 1855 душ и 1 учащийся - на 35 человек, из чего следует, что соответственные отношения количества школ, а также учащихся к численности населения в коренной России в 1,3 и 2,5 раза благоприятнее, чем в Сибири» [27, с. 221].

Публикации участников социально-педагогического движения презентовали Сибирь как специфичный регион в образовательном пространстве империи. Сибирь в силу своего окраинного положения, по убеждению заинтересованных современников, особенно нуждалась в приобщении к достижениям русской культуры. Она рассматривалась как объект «внутренней колонизации», что актуализировало просветительскую деятельность русской интеллигенции.

В числе факторов, влияющих на уровень грамотности населения и развития школьного дела в регионе, детерминировавших «культурную отсталость» Сибири, назывались географические, природно-климатические условия, большие расстояния между населенными

пунктами, слабое внимание государства к образовательным нуждам края. Известная просветительница А. М. Калмыкова писала по этому поводу: «... важно и необходимо было бы подкрепление знанием и грамотностью русского человека на далекой восточной окраине, где он отделен от остального мира огромными расстояниями, обречен на борьбу с девственной природой, поставлен лицом к лицу с инородческим элементом. От его знаний и умственного развития зависит его стойкость в борьбе с неблагоприятными внешними условиями и возможность для него в полной мере воспользоваться произведениями богатой природы» [8, с. 203].

Главной причиной «малокультурности» Сибири просвещенцы «Русской школы» называли отсутствие в зауральских губерниях земств. «Сибирь до самого последнего времени представлялась отсталой частью государства благодаря отсутствию в ней земских учреждений, так много сделавших для народного образования в Европейской России, и, без сомнения, такую отсталую страну она и будет до тех пор, пока на нее не будут распространены блага местного земского самоуправления», - утверждал постоянный ведущий «Хроники народного образования» Я. В. Абрамов [3, 1899, № 1, с. 211].

Постоянно подчеркивая связь образовательных перспектив населения региона с созданием земств на имперской окраине, авторы журнала путем показа неудовлетворительного состояния системы народного образования доказывали необходимость либеральных преобразований в регионе. В связи с этим развитие школьного дела в сибирской провинции описывалось при помощи таких слов-маркеров, как «печальное», «отсталое» и т. п.

Рефреном большинства публикаций, посвященных вопросам школьного строительства в Сибири, была мысль о тяге населения к знаниям, о потребности края в различных образовательных учреждениях. Постоянный сотрудник журнала, ссыльный народник И. П. Белокопский утверждал, что «при лучшей постановке школы в Сибири она могла бы дать самые блестящие плоды, так как трудно разыскать более любознательный и способный народ, как сибиряки: любовь к образованию у них развита гораздо более, чем у крестьянина Европейской России, более забитого тысячелетним рабством, нежели сибиряк, не знавший о существовании крепостного права» [4, с. 237]. Как противовес пассивности государства в деле просвещения населения восточной окраины рассматривалось общественное участие в распространении грамотности среди населения. По мнению «Русской школы», региональная специфика Сибири заключалась именно в особой роли общественных организаций местной интеллигенции, частично компенсировавших отсутствие органов земской «самопомощи». «Надо отдать должное сибирской интеллигенции: она делает все, что может, для поднятия уровня просвещения народной массы в своем краю», - читаем в «Педагогической хронике» журнала [3, 1898, № 5/6, с. 289].

Общественное участие в распространении знаний среди населения Сибири номинировалось педагогическими журналами как позитивная поведенческая стратегия провинциальной интеллигенции. Считая просвещение населения необходимым условием прогрессивного развития сибирской провинции, журналы всемерно поддерживали общественную активность в формировании регионального образовательного пространства. Журналы регулярно помещали отчеты о деятельности сибирских обществ попечения о начальном образовании, популяризируя в общественном мнении их деятельность. Пытаясь моделировать социальное поведение общественно активных современников, сотрудник «Русской школы» писал: «Сибирские общества имеют общую историю, тесно связанную с историей Общества попечения о начальном образовании в Томске, которое является старейшим сибирским обществом и которое, вместе с тем, представляет блестящий пример того, что может быть сделано у нас частной инициативой при энергии и преданности делу носителей этой инициативы» [1, с. 125]. Сообщая о формах и результатах работы названных общественных организаций, авторы «Русской школы» фиксировали свою симпатию к таким продуктам общественной самодеятельности», подчеркивали социальную востребованность их деятельности. К числу основных заслуг просветительских общественных организаций публицисты относили учреждение начальных и воскресных школ для детей и взрослых, устройство народных библиотек, читален и книжных складов, проведение публичных чтений и спектаклей, детских утренников [3, 1890, №9, с. 118-119; 16, с. 294-295; 24, с. 98 и др.].

Редакция поддерживала и пропагандировала любые социально ориентированные инициативы сибирских просветительских общественных организаций. Типична реплика Я. В. Абрамова, информирующего о намерении томского общества издавать журнал, посвященный вопросам народного образования в Сибири: «Нет никакого сомнения, что подобный журнал, да еще издаваемый одним из самых выдающихся наших просветительных обществ, будет в высшей степени полезным и принесет немалую пользу делу народного просвещения не только в Сибири, но и во всей России» [2, с. 33].

Можно утверждать, что в общественном мнении пореформенной империи на материалах о деятельности просветительских обществ формировался своеобразный социокультурный поведенческий образец интеллигента-борца с невежеством в глухой провинции, который интерпретировался как достойный уважения и воспроизведения в индивидуальных поведенческих стратегиях современников. С точки зрения выяснения риторики, употребляемой при описании сибирских просвещенцев, показательна характеристика, данная В. В. Девелем активисту Общества попечения о начальном образовании в Томске П. И. Макушину: «Необыкновенная энергия, преданность делу и особенное умение найти людей и заставить их послужить тому делу, которому отдался и он сам - одна из причин, немало

помогавших успеху всех благих начинаний этого деятеля» [7, с. 217].

Какая школа нужна Сибири? Это еще одна проблема, волновавшая педагогическую общественность на рубеже XIX-XX вв. и в определенной степени отражавшая представления современников о социокультурной специфике региона. Основные вопросы, привлекавшие внимание современников, - количество школ разных типов в тех или иных районах Сибири, программы преподавания, объемы финансирования школ, качество профессиональной подготовки учителей.

Содержательный анализ публикаций «Русской школы» позволяет утверждать, что авторы журнала наиболее высоко оценивали образовательный потенциал земской школы, как известно, отсутствовавшей в Сибири. Данное обстоятельство предопределило поиски той модели начального образования, которая была бы наиболее эффективной в сибирских условиях. Авторы статей и сообщений, посвященных развитию начального обучения, отмечали большее разнообразие типов школ в зауральских губерниях, чем в европейской части страны, соотнося историю их появления со специфическим составом населения региона. Так, в сентябрьском номере «Русской школы» за 1895 г. сообщалось о том, что наряду с распространенными во «внутренней» России школами Министерства народного просвещения, министерств государственных имуществ и внутренних дел, церковно-приходскими училищами и школами грамоты, в Сибири действовали также казачьи, горные, миссионерские школы [15, с. 244].

Наибольшее число нареканий у авторов педагогических журналов вызывало качество преподавания в церковно-приходских школах, интерес к которым усилился в связи с проектом передачи начального образования в крае в ведение церкви. Журналисты обращали внимание на низкий образовательный уровень сибирского сельского духовенства, ссылаясь на обильные статистические данные. «Русская школа» сообщала, что в Барнаульском округе Томской губернии из священников, заведовавших церковными школами, только 5 окончили курс духовной семинарии (не считая городских священнослужителей), 21 - не окончил курса семинарии, а нередко даже и духовного училища, 15 священников не были удостоены епархиальной властью законоучительствовать в школах их приходов [17, с. 224]. Известный православный публицист Н. К. Смирнов, сотрудничавший с журналом, отмечал, что школы церковного ведомства в Восточной Сибири во всех отношениях значительно уступают «министерским» - их средний образовательный уровень ниже, время пребывания учеников в школе короче, «в учебных пособиях недостаток гораздо больший» [19, с. 160].

Яркие примеры низкого качества образования, получаемого в церковноприходских училищах, формировали негативное отношение к данному типу образовательных учреждений, что объяснялось не только реальным положением дел в церковной школе, но и

процессами секуляризации сознания, характерными для интеллигенции модернизирующейся империи. Сказывались рационалистическое понимание морали, присущее позитивизму, декларируемый приоритет образования над воспитанием. Статья Н. И. Палопеженцева «О народном образовании в Ялutorовске и Ялutorовском округе», опубликованная в «Ежегоднике Тобольского музея», свидетельствующая о вопиющем незнании учащимися сибирских школ даже Закона Божьего, охотно цитировалась разными периодическими изданиями. «В некоторых училищах [Ялutorовского] округа преподавание Закона Божьего дало следующие результаты... из учеников младшего и среднего отделений лишь один, много два-три, могли сказать, что Бог один, два-три ученика ответили, что Бога три, остальное же большинство отвечало, что богов много, причем причисляло к богам Миколу-Святителя, Егория Храброго, Сименона Верхотурского и др.», - читаем в сентябрьском номере «Русской школы» за 1895 г. [11, с. 215, 216].

С критикой идеи передачи начальных училищ Западной Сибири духовному ведомству выступал и другой известный педагогический журнал – «Вестник воспитания» [6], основанный в 1890 г. врачом Е. А. Покровским. В отличие от «Русской школы», ориентировавшейся, в первую очередь, на профессионально-педагогическую аудиторию, «Вестник воспитания» предназначал свои публикации главным образом родителям. В данном случае важно, что частные педагогические журналы, подобно умеренно оппозиционным общественно-политическим ежемесячникам, отстаивали идею распространения светского начального образования в «далекой и забытой» Сибири.

Сибирь оценивалась в названных изданиях как край, природные богатства которого станут доступными в результате развития системы профессионального образования. Отстаивая идею всеобщего начального светского образования, сотрудники педагогических журналов уделяли большое внимание профессиональной школе, считали, что именно ее развитие является одним из условий успешного экономического развития региона, преодоления его культурной «замкнутости», «отсталости» и интенсификации экономических связей с другими российскими губерниями. «Вместе с сооружением Сибирской железной дороги выступил на очередь и вопрос об изыскании мер, которые облегчили бы пользование естественными богатствами Сибири... В числе же их первое место должно, конечно, принадлежать правильной и широкой постановке профессионального образования которое теперь в Сибири почти совершенно отсутствует», - писал ведущие «Хроники профессионального образования» «Русской школы» [5, 1896, № 4, с. 293]. Порожденная модернизацией идея распространения рационального, прагматического образования, наиболее отвечавшего потребностям трудящегося населения, воплощалась на страницах педагогической периодики путем публикации сообщений об открытии в Сибири

«рассадников правильного хозяйничанья», тиражирования опыта их деятельности, поддержки ходатайств сибирских городов и сельских обществ о необходимости основания учреждений профессионального образования [5, 1897, № 2. с. 256-257; 1898, № 11, с. 330; 13, с. 97].

Как и чему учить сибирских «инородцев» - сюжет, столь волновавший общественно-политические журналы, нашел свое отражение и в педагогической периодике. М. А. Миропиев выделял два подхода к образованию «инородческого» населения империи, составлявшего, по его подсчетам, 27% от числа россиян. Подход, предлагавшийся православным духовенством, исходил из того, что процесс обрусения «инородцев» должен начаться с их приобщения к христианской религии. Отстаиваемый же светскими педагогами подход предусматривал обрусение только в умственном и нравственном отношении, при этом «рычагом» просвещения аборигенного населения являлась бы не церковь, а русская школа [9]. По мнению автора, первый подход был оправдан лишь для народов со «слаборазвитой религией», к которым он относил крещеных татар, мордву, большинство народов Сибири и Приамурья. Для мусульманского же населения империи он был непригоден и чреват вспышками религиозного фанатизма.

Известный православный публицист декларировал эффективность и целесообразность второго подхода, основанного на почве уважения религиозных верований «инородцев». Он критиковал современную ему начальную школу, порождающую «рецидивы безграмотности» даже среди русских школяров; школу, из которой туземцы выносят совершенно ничтожное знание русского языка, русских нравов и порядков и русского мировоззрения. Являясь сторонником этнической унификации, М. А. Миропиев выступал за «слияние "инородцев" со своим новым отечеством под верховной властью нашего общего монарха» путем создания книг и учебных пособий на основе русского алфавита. Именно «государственный» алфавит создаст, с его точки зрения, почву для объединения России. Помимо издания специальной литературы, он аргументировал необходимость не оставлять «инородцев» своим Просветительским воздействием после окончания ими школы, организовывать публичные лекции, народные чтения с «волшебным фонарем». Сторонник националистической доктрины, последовательный борец с «мусульманской угрозой», М. А. Миропиев демонстрировал дискриминационный характер российского ориентализма, так определяя цели просвещения «инородцев»: «Действуя с разных сторон на мусульманский мир, мы, сильные своим единством, скорее всего, пробьют ту твердую броню, за которой скрываются враждебные нашему единству элементы. Только тогда мы и были бы на высоте призвания, той миссии, которая возложена на нас историей и географическим положением нашего отечества - жить и стоять на страже общекультурных, человеческих и вместе с тем

христианских интересов, против враждебного цивилизации и христианству азиатского мира, внося в него свет и истину» [9, с. 134].

Публикация в «Русской школе» статей известных сторонников русификации И. К. Смирнова, М. А. Миропиева, наряду с сотрудничеством с журналом народников, либералов, легальных марксистов, с одной стороны, могут свидетельствовать о политической неангажированности издания, с другой - о попытках зарождающегося русского национализма воздействовать на педагогическую аудиторию.

Наряду с обсуждением целей и задач обучения «инородцев», педагогическими ежемесячниками поднимался вопрос о формах и содержании соответствующего образовательного процесса. Так, П. Сурин на основе анализа опыта деятельности школ для кочевников в степных областях Сибири сделал вывод о неудовлетворительной постановке начального образования «инородцев» в интернатах. Последние не только не оправдали возложенных на них надежд в деле распространения знаний среди кочевников, но оказывали вредное воздействие, отрывая учеников от привычной среды, воспитывая людей, не пригодных «ни к какому полезному делу». Наиболее эффективными, по мнению автора, являлись сельскохозяйственные школы, в которых наряду с изучением русского языка и начальным образованием учащиеся знакомились с азами земледелия, животноводства, ремесленного производства [21].

Напрямую связывая успешность «культурного и экономического» освоения «далекой» Сибири с развитием системы образования в регионе, редакции педагогических журналов неоднократно информировали своих читателей о строительстве в Томске первого в Сибири учительского института [23; 25; 26, 1902, № 4, с. 115]. Устройство в регионе «будущего рассадника училищ в отдаленной окраине» актуализировало в общественном мнении дискуссию о задачах и функциях высшего педагогического образования, о содержании профессиональной подготовки будущих учителей, о соотношении в практике обучения предметной и педагогической подготовки. Так, по мнению одного из авторов «Русской школы», основы педагогической науки должны занимать центральное место в профессиональной подготовке учителей, доминируя над курсами «предметного блока» и методиками изучения конкретных школьных предметов [14, с. 83, 84].

Параллельно с углубленным изучением теоретических аспектов педагогики и психологии обосновывалась необходимость организации практического изучения азов педагогики путем наблюдения за учащимися городского училища, проектируемого при институте. Предлагалось активное участие преподавателей и студентов в обмене мнениями по теоретическим и практическим вопросам воспитания посредством чтения общедоступных лекций, создания своего педагогического издания и сотрудничества с местными газетами,

организации кружка для родителей [14, с. 84, 85].

Возлагая надежды на строительство Томского учительского института, заинтересованные современники не питали иллюзий по поводу его возможностей в деле обеспечения педагогическими кадрами сибирских губерний. «Один учительский институт на все огромное пространство Сибири, конечно, капля в море, особенно теперь, когда, благодаря проведению железной дороги, заселение и оживление края должно пойти быстрыми шагами. Следует надеяться, что дальнейший рост числа необходимых учебных заведений на сибирской окраине не будет задерживаться. Только при этом условии можно ожидать скорого и верного осуществления надежд, которые были связаны с проведением великого сибирского пути, в смысле культурного и экономического подъема всей азиатской России», - читаем в «Вестнике воспитания» [26, 1903, № 4, с. 116].

Размышления о необходимости учреждения в регионе учительского института акцентировали внимание на традиционном для педагогической периодики вопросе об уровне профессиональной компетентности сибирских учителей, особенностях их экономического положения, социального статуса и образа жизни.

Более или менее подробные статистические данные, позволяющие читателям педагогических журналов составить представление о сибирском учительском корпусе, содержатся в ранее упомянутой мною статье П. Д. Шестакова. По информации, приведенной им в начале 1890-х гг., в «министерских» и церковно-приходских сельских школах трех округов Иркутской губ. преподавало 33 мужчины и 11 женщин, из которых 18% были выходцами из мещан, 13 - из дворян и чиновников, 46 - из лиц духовного звания, 16 - из крестьян, 7% - из "инородцев". Большая часть педагогов являлась уроженцами Восточной Сибири (85,8%); из Западной Сибири приехали в Иркутскую губ. 7,1% - столько же, сколько из Европейской России. Находилось в браке 16 учителей (48,4%), 4 учительницы (36,4%). Средний возраст преподающих приходился на 21-25 лет (таковых было 52,2%). Среднегодовой размер зарплаты учителей составлял 414,4 р., учительниц - 32,9 р.» [27, с. 242].

Одним из злободневных сюжетов педагогической периодики была проблема корпоративных коммуникаций сибирского учительства. Общим местом большинства публикаций, посвященных положению учителей, особенно в сельской местности, была мысль о том, что учитель, лишенный регулярного общения и обмена опытом со своими коллегами, часто не находивший поддержки среди земляков, страдающий из-за материальных проблем, терял интерес к своей профессиональной деятельности, менял сферу приложения своих сил. Симптоматичен заголовок одного из информационных сообщений «Русской школы» за 1901 г. - «Школа и кабак». В сообщении речь шла о том, что многие

сибирские учительницы записались кандидатками на места приказчиц в казенные винные лавки, которые были открыты в регионе после введения «казенной» продажи вина [28]. Нехватка учительских кадров в крае приводила к обращениям местной администрации в столичные педагогические институты с просьбой рекомендовать выпускников для работы в Сибири. Особым спросом пользовались учителя русского языка и математики [12].

П. Д. Шестаков, размышляя об обстоятельствах, «гибельно отражающихся на мысли и воле» сельского учителя в Сибири, называл отсутствие материала для чтения или его низкое качество, недостаток интеллигентного общества, приниженное и бесправное положение педагога среди деревенской аристократии, которая зачастую устраивает систематическую и победоносную травлю неугодных ей учителей. «Условия учительской жизни, начиная с холодной и сырой квартиры и кончая бесправным и беззащитным положением в окружающем обществе, очень часто грубом, невежественном, не представляют собою гарантии тому, чтобы учитель надолго мог остаться на высоте своего призвания. Нужно быть страстно преданным своему делу, чтобы до конца своей жизни нести тяжелый крест учительского труда», - объяснял П. Д. Шестаков кратковременность «учительского» стажа сельских педагогов, определяя его для Иркутской губернии в среднем равным 4,5 года [27, с. 244].

Достаточно убедительно сформулировал проблему нехватки корпоративного общения, информационной изолированности сибирских учителей, особенно сельских, И. П. Белокопский: «Не говоря уже о том, что здесь нет такого учреждения, которое употребило бы все усилия, чтобы поднять уровень школы и учителя, страшные дебри, громадные расстояния, разделяемые в большинстве случаев невозможными путями сообщения, делают то, что и превосходные воспитатели скоро превращаются в одичалых людей, лишенных возможности обмена мыслями с себе подобными и не имеющих никаких книг. Только сильные натуры, фанатически преданные великому делу воспитания народа, выдерживают убийственную обстановку сельского учителя в отдаленных окраинах Восточной Сибири, отказавшись ради своей миссии от света и людей» [4, с. 236]. В качестве средств борьбы с «убийственной обстановкой», мешающей профессиональному и личному самоусовершенствованию сибирских учителей, назывались учительские собрания, совещания, съезды, которые, с одной стороны, могли способствовать обмену опытом между коллегами, с другой - позволяли формулировать консолидированное мнение по профессионально значимым вопросам, коллективно отстаивать свои права.

Можно предположить, что стремление преодолеть профессиональную изолированность побуждало сибирских преподавателей при помощи педагогических журналов делиться своим методическим опытом с коллегами из других частей империи. Рассказы об экскурсии

слушателей Красноярской учительской семинарии на археологических раскопках [20] и сообщения о деятельности сибирских воскресных школ свидетельствуют о стремлении сибирских педагогов влиться в педагогическое корпоративное пространство Российской империи, о наличии у них потребности зафиксировать профессионально значимые реалии сибирской действительности и проинформировать о них заинтересованных читателей, живущих по другую сторону Уральских гор.

Литература

1. Абрамов, Я. В. Очерки частной инициативы в деле народного образования / Я. В. Абрамов //РШ. - 1890. -№8. - С. 113-131.
2. Абрамов, Я. В. Педагогическая хроника /Я. В. Абрамов //РШ.-1902. - №4. -2-й отд.-С. 33.
3. Абрамов, Я. В. Хроника народного образования / Я. В. Абрамов // РШ. -1890-1899.-2-й отд.
4. Белоконский, И. П. Народное образование в Восточной Сибири / И. П. Белоконский//РШ. - 1891.-№5. -С. 229-237.
5. Б-ч, В. [Бирюкович, В. В.] Хроника профессионального образования В. В. Бирюкович // РШ. - 1896-1898. - 2-й отд.
6. Вопрос о заведовании начальными училищами в Сибири // Вестник воспитания. - 1896. - №7. - С. 246-248.
7. Девель, В. В. Городские и сельские библиотеки и читальни для народа / В. В. Девель // РШ. - 1891. -№7/8. - С. 214-233.
8. Калмыкова, А. М. В Санкт-Петербургском комитете грамотности А. М. Калмыкова // РШ. - 1891. -№3. -С. 201-205.
9. Миропиев, М. К. К вопросу о просвещении наших инородцев / М. К. Миропиев // РШ.- 1901.-№5/6.-С. 121-136.
10. Народное образование в Сибири // РШ. - 1899.-№3. - С. 312.
11. Народное образование в Ялуторовском округе // РШ. - 1895. - №10. -С. 215-216.
12. Недостаток в преподавателях в Сибири // РШ.-1904.-№10/11.-2-й отд.-С. 137.
13. Об учреждении в Барнауле нормального ремесленного училища // РШ. -1901.-№4.-2-й отд.-С. 97.
14. П. Учительский институт в Томске // РШ. - 1902. - №1. - С. 83-84.
15. Первоначальное образование в Сибири // РШ. - 1895. - №9. - С. 244-247.
16. Развлечения для народа // РШ. - 1898. - №4. - С. 294-295.
17. Сельское духовенство и сельские школы в Сибири // РШ. - 1895. - №11. -С. 224-225.

18. Сибирские школы и церкви // РШ. - 1904. - № 5/6. - 2-й отд. - С. 81-84.
19. Смирнов, И. К. Несколько слов о состоянии народного образования в Енисейской и Иркутской губерниях / И. К. Смирнов // РШ. - 1898. - № 4. - С. 156-160.
20. Софийский, И. М. Экскурсия воспитанников Красноярской учительской семинарии на раскопку кургана / И. М. Софийский // РШ. -1896. - № 3. - С. 224—227.
21. Сурин, П. Сельскохозяйственное образование в Сибири / П. Сурин // РШ. -1895.-№5/6.-С. 169-174.
22. Тебиев, Б. К. На рубеже веков: правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России юнца XIX - начала XX в. / Б. К. Тебиев. - М.: Интеллект, 1996. - 256 с.
23. Томский учительский институт // РШ. - 1902. -№3. -2-й отд.-С. 81-82.
24. Томское Общество попечения о начальном образовании // РШ. -1902. - № 4. -2-й отд.-С. 98.
25. Ходатайство об учреждении в Томске учительского института // РШ. — 1901. — №2.-2-й отд.-С. 93-94.
26. Хроника // Вестник воспитания. - 1897-1903.
27. Шестаков, П. Школа и грамотность в Иркутской губернии / П. Шестаков РШ.- 1892. -№ 7/8. -С. 216-223.
28. Школа и кабак // РШ. - 1901. - № 4. - 2-й отд. - С. 105.